Платонова Нонна Михайловна – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).
E-mail: nonnaplaton@mail.ru

N.M. Platonova

The national strategy of the development of the fuel-energy base of the Far East of the RSFSR (1965 – 1985)

The state strategy of accelerated development of the Soviet Far East and an active development of the fuel and energy base were determined by some historical peculiarities.

Keywords: fuel and energy base, manufacture intensification, Eastern territories, production efficiency, power supply system, principle of residual financing, resources.

Государственная стратегия развития топливно-энергетической базы Дальнего Востока РСФСР (1965 – 1985 гг.)

Государственная стратегия ускоренного развития советского Дальнего Востока и активное развитие топливно-энергетической базы были детерминированы рядом исторических особенностей.

Ключевые слова: топливно-энергетическая база, интенсификация производства, восточные территории, эффективность производства, энергосистема, принцип остаточного финансирования, ресурсы.

Современный Дальний Восток представляет собой динамично развивающийся регион Российской Федерации. Одной из главных составляющих его экономики является топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК), в котором создаётся значительная доля валовой продукции (свыше 29%), сосредотачивается большой удельный вес основных производственных фондов (35%) и занято 4% трудоспособного населения. Сегодня, независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, он объединяет отрасли и предприятия, которые обеспечивают переработку и преобразование первичных топливно-энергетических ресурсов, а также их доставку покупателям для дальнейшего использования [1, с. 3, 8]. Постоянно растущее потребление энергии и энергоресурсов неизбежно увеличивает его значение. Особый характер ТЭК приобретает в вопросах геополитического и военно-стратегического положения Дальневосточного региона, которые актуализируются в связи с усилением

процессов глобализации и расширения экономического сотрудничества России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В истории советского Дальнего Востока 1965 – 1985 гг. занимают особое место. Это был период, когда в условиях «холодный войны» и обострившихся отношений с Китайской Народной Республикой приоритетная государственная парадигма изменилась, всё более ориентируясь на ускоренную социально-экономическую модернизацию промышленного комплекса и рост военного потенциала восточных территорий. В этом направлении ЦК КПСС и Совет министров СССР важную роль отводили экономической стратегии развития топливно-энергетической промышленности (далее – ТЭП), которая в индустрии региона занимала 6,2%, примерно, как по РСФСР [1, с. 3 ; с. 18].

Аналогичной точки зрения придерживался и Совет по изучению производительных сил (далее – СОПС) при Госплане СССР. По результатам его оценки, именно восточные территории страны имели не только потенциальные топливно-энергетические ресурсы, но и характеризовались высокой степенью их обеспеченности. Например, доля региона в общесоюзном запасе угля составляла свыше 38%, гидроэнергии – 33% и природного газа – 18%. Дальневосточные показатели по количеству ресурсов, приходившихся на душу населения, превышали средние по СССР запасы по углю более чем в 16 раз, по природному газу – в 18 раз и по гидроэнергоресурсам – в 14 раз. Только в Приморье и Приамурье, чья общая площадь во второй половине 1960-х гг. составляла 22% территории Дальнего Востока, и где проживало 64% населения, потреблялось 75% угля, 74% – нефтепродуктов и 67% – электроэнергии. В отличие от других районов страны, именно на юге региона преобладали значительные запасы гидроэнергии (около 10% от всех гидроэнергетических ресурсов СССР) при относительной ограниченности ресурсов топлива.

О необходимости ускоренного развития топливной базы советского Дальнего Востока свидетельствуют Решения XXIII съезда КПСС (1966 г.). Важными государственными задачами стали: интенсификация добычи нефти, газа и угля, а также увеличение производства электроэнергии за годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 гг.). Их дальнейшая реализация нашла отражение в новой Концепции развития экономики региона. Она была сформулирована в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР №638 «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» от 8 июля 1967 г. *(далее – Постановление №638 – от авт.)*. В качестве одного из главных для местных партийных, советских и хозяйственных руководителей был выделен аспект деятельности, направленный на дальнейшую индустриализацию, повышение эффективности производства и опережающие темпы развития ТЭП [2, с. 67 ; с. 482].

Реализацию этих задач во многом предопределял ряд факторов, а именно: наличие минерально-сырьевой базы, расширение геологоразведочных работ и наращивание промышленных запасов полезных

ископаемых, в первую очередь, угля, нефти и газа. В результате успешной деятельности дальневосточных геологов на 1 января 1966 г. разведанные запасы угля в регионе составляли 11,6 млрд. т или 4,6% запасов СССР, а на 1 января 1967 г., соответственно, 16,2 млрд. т или 6,4%. Добыча каменного и бурого угля достигала около 27 млн. т в год [3, л. 1 ; с. 8].

На научной и технической основе проводились геологоразведочные работы в шельфовой зоне Сахалина. В 1967 г. в области был создан специализированный трест буровых работ «Дальнефтеразведка». В 1969 – 1970-х гг. экспертиза Госплана СССР, которая рассматривала технико-экономическое обоснование строительства нефтеперерабатывающего завода в районе г. Долинска, отметила высокую эффективность его работы. В частности, геологи и нефтяники стали применять особые меры к расширению глубокого поискового и разведочного бурения как на севере, так и в южной части острова. О возможности дальнейшего развития ТЭП Сахалинской области свидетельствовало и решение Государственной комиссии по запасам при Совете министров СССР об утверждении на 1981 – 1985 гг. запасов газа в объёме

15 млрд. м³, а нефти – 5,8 млн. т. Одновременно начался поиск месторождений серы на Курильских островах. На Кунашире проводились работы по разведке термальных вод, на базе которых предполагалось построить электростанцию.

В начале 1970-х гг. на Камчатке также проводились геолого-поисковые и разведочные работы нефти и газа. Полученные данные подтвердили ранее высказанные прогнозы учёных и экономистов о перспективности полуострова в отношении наличия их запасов. Так, в 1974 г. было обнаружено первое промышленное Лиманское месторождение газоконденсата в прибрежно-морской части западной Камчатки [4, л. 9 ; л. 155 ; л. 160, 161].

В этот период в мире разворачивался новый виток НТР, основу которого составляли достижения фундаментальной и прикладной науки. Актуальными становились проблемы автоматизации технологических процессов и внедрения наукоёмких технологий в производство. Руководство СССР не могло не видеть всё большего отставания страны в этом глобальном мировом процессе. Поэтому в одном из решений, принятом на XXIV съезде КПСС (1971 г.), было указано на необходимость уделять особое внимание «… органичному соединению достижений науки с производством», таким образом обеспечивая их непрерывное и активное совершенствование. Это стало сущностью технической политики и своеобразным законом времени.

Дальневосточные краевые и областные комитеты КПСС постоянно держали в центре внимания проблемы, связанные с увеличением роста производственных мощностей отрасли, и требовали от партийных комитетов и хозяйственных руководителей взаимосвязанного подхода к решению задач технического прогресса. Он заключался в том, чтобы модернизация горнотранспортного оборудования, механизация вспомогательных работ и производственных процессов осуществлялись комплексно.

Так, в январе 1970 г. на пленуме Амурского обкома КПСС первый секретарь С.С. Авраменко отмечал, что с 1966 по 1970 гг. на предприятиях комбината «Дальвостуголь» был полностью обновлён технический парк машин, занятых на добыче угля, и дополнительно в эксплуатацию введены 11 мощных шагающих экскаваторов. Горняки области первыми в стране стали применять прогрессивный метод спаренной работы экскаваторов. Реконструкция ряда предприятий комбината позволила увеличить производственные мощности. В частности, на Северо-Восточном разрезе их динамика составляла от 4,5 млн. т до 7,5 млн. т угля в год. К 1970 г. сверх плана было добыто свыше 700 тыс. т, комбинат стал работать более устойчиво, систематически выполняя годовые планы [5, л. 106 ; л. 15].

Первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.А. Леонов вспоминал, что в 1970-е гг. партийно-хозяйственные руководители быстрыми темпами стали внедрять в нефтяную промышленность области достижения отечественной науки и техники. В результате, был обновлён и оснащён средствами автоматики парк буровых установок, нефтяники начали использовать наиболее совершенные высокомоментные шпиндельные турбобуры, гидромониторные и алмазные долота. Это позволило увеличить глубину бурения скважин до 2,5 – 3 тыс. м. Изменились технология и техника нефтедобычи. На промыслах нашли широкое применение высокопроизводительные индивидуальные станки-качалки, глубинные и электропогружные насосы совершенной конструкции. Были открыты восемь новых месторождений нефти и газа, а также получен важный геологический материал. В целом, на промышленных предприятиях топливной индустрии Сахалинской области было проведено 514 крупных производственных процессов по механизации и автоматизации с годовым экономическим эффектом 4,6 млн. руб. Улучшились разработка и обустройство нефтяных месторождений, на эти цели было вложено 3,5 млн. руб. капитальных вложений.

О ежегодном росте нефтедобычи свидетельствует и анализ отчёта объединения «Сахалиннефть». Так, если в 1971 г. планировался объём 2400 тыс. т, то фактически он составил 2430,85 тыс. т; в 1972 г. по плану – 23500 тыс. т, по факту – 2400,51 тыс. т. Хозяйственные руководители объединения считали, что выполнение плана, как и ранее, было обеспечено добычей нефти из «старых» скважин – 95,1%, а также за счёт геолого-технических и организационных мероприятий, направленных на увеличение нефтеотдачи пластов и производительности скважин [6, л. 204 – 206 ; л. 2, 16 ; л. 8, 13, 14].

По мнению специалистов и учёных СОПСа, топливно-энергетическую базу восточных территорий страны представляли не только значительные запасы угля, газа, нефти, но и огромные мощности рек, энергия морских приливов, тепло вулканов и горячих источников. В частности, они высоко оценивали прогнозный геотермальный потенциал Камчатки. На 1 января 1975 г. утверждённые запасы тепла геотермальных источников на полуострове составляли примерно 35% общесоюзных. Однако к середине 1970-х гг. эти ресурсы использовались недостаточно. Из промышленных

объектов функционировала Паужетская геотермальная электростанция (ГеоТЭС) мощностью 2,5 мВт и Средне-Паратунский теплично-парниковый комбинат, использовавший геотермальное тепло. Площадь теплиц составляла 6 га, а общий выпуск тепличных овощей – 1 тыс. т. Анализ технико-экономических расчётов СОПСа показывает, что себестоимость одной тонны условного топлива, полученного при использовании термальной воды, была в 8 – 10 раз ниже, чем при сжигании привозного топлива с материка (угля, мазута, дизельного топлива). Кроме того, вовлечение в эксплуатацию одного среднего по мощности геотермального месторождения с расходом термальной воды около 100 т в сутки позволяло экономить около 30 тыс. т условного топлива, ввозимого на Камчатку. Совет считал, что экономическая эффективность освоения геотермальных источников увеличивалась от многократного использования одной и той же воды для различных целей (например, получение электроэнергии, отопления, горячего водоснабжения и обогрева почвы в теплицах). Всё это свидетельствовало о целесообразности использования геотермальных ресурсов в народном хозяйстве Камчатской области в перспективе. Поэтому планировалось расширить Паужетскую ГеоТЭС до 23 мВт и начать строительство второй очереди Средне-Паратунского теплично-парникового комбината. В этот период рассматривался вопрос о строительстве крупных ГеоТЭС мощностью до 100 мВт на вулканическом паре (вулканы Мутновский и Нижне-Кошелевский) недалеко от Петропавловска-Камчатского. В 1975 г. Министерство геологии РСФСР на разведку запасов пара вулкана Мутновский выделило Елизовской геотермальной экспедиции около 300 тыс. руб. Однако это были частичные меры, которые не обеспечивали решение проблемы в целом. В данном случае требовалось привлечение всех заинтересованных министерств и ведомств, увеличение капиталовложений в геотермальные изыскания на Камчатке [7, л. 2, 3 ; л. 161, 162].

В 1975 – 1985 гг. экономическая стратегия государства была ориентирована на решение проблем, связанных с обеспечением народного хозяйства и населения электрической и тепловой энергией. Наращивание производственных мощностей действовавших предприятий, строительство новых заводов и фабрик требовали ежегодного и значительного прироста энергоресурсов. В этот период на Дальнем Востоке производство электроэнергии осуществлялось за счёт большого количества мелких неэкономичных электростанций. Выработка электроэнергии на душу населения была примерно в 1,8 раза меньше, чем, в среднем, по СССР, а себестоимость 1 кВт/час – в 6 раз выше, чем по РСФСР. Особенно дорогостоящей была электроэнергия в Магадане и на Камчатке, где за 1 кВт/час она доходила до 10 – 15 копеек и более. В результате, стоимость продукции других отраслей промышленного комплекса становилась намного дороже, что приводило к её дефициту, а он, в свою очередь, затруднял процессы автоматизации и механизации производства. Например, электровооружённость труда одного промышленного рабочего по

Хабаровскому краю в 1970 г. составляла 11713 кВт/ч, в то время как по СССР – 17490 кВт/ч [8, л. 15, 16, 19 ; л. 11].

С целью обеспечения бесперебойного и надёжного энергоснабжения промышленного комплекса региона был осуществлён ряд мер. В Амурской области закончилась реконструкция Райчихинской государственной районной электростанции (далее – ГРЭС). Большинство крупных подстанций было оборудовано трансформаторами с дистанционным регулированием напряжения. Начиная с марта 1964 г. до ноября 1975 г. осуществлялось строительство Зейской ГЭС, которая являлась важной стройкой, от своевременного пуска в эксплуатацию которой зависело дальнейшее развитие производительных сил области. С 1971 по 1975 гг. на Камчатке продолжался процесс концентрации энергетических мощностей в системе «Камчатскэнерго». Были введены в эксплуатацию новые электростанции и построены линии электропередач. За пять лет производство электроэнергии увеличилось с 429 млн. кВт/час (в 1971 г.) до 730 млн. кВт/час (в 1975 г.), то есть почти в два раза. Началось строительство Билибинской атомной электростанции (АЭС) мощностью 310 тыс. кВт/час. В Магадане выработка электротепловой энергии возросла на 11%. На магаданской ТЭЦ были модернизированы турбины и реконструированы котлы, что значительно увеличило выработку электротепловой энергии и сократило удельный расход топлива. На механических заводах было внедрено 139 мероприятий, разработано более 300 новых технологических процессов, изготовлено около 700 наименований специального оборудования и приспособлений для топливной энергетики. С 1981 по 1984 гг. были введены новые мощности на Колымской гидроэлектростанции (ГЭС) [9, л. 109 ; л. 131 ; л. 156, 11 ; л. 31 ; л. 207, 208 ; л. 3].

К началу 1980-х гг. на территории Дальнего Востока начала действовать объёдинённая энергосистема юга. Она включала в себя наиболее освоенные части Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области. ЛЭП-220 Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре (протяжённостью 389 км) была сдана в эксплуатацию 28 декабря 1981 г. Однако остальные энергоузлы и системы региона продолжали работать изолировано, что отрицательно сказывалось на показателях экономической эффективности районной электроэнергетики.

Таким образом, возникла срочная необходимость сооружения новой электролинии с использованием дешёвой электроэнергии, имевшейся в избытке на Зейской ГЭС. Хабаровский крайком КПСС принял решение ввести в эксплуатацию ЛЭП-500 Зейская ГЭС – Хабаровск в 1982 г. методом народной стройки, то есть с привлечением специалистов, рабочих и организаций из разных городов страны. В результате, ЛЭП-500 помогали строить трудовые коллективы «Братскгэсстрой», «Красноярскэлектросетьстрой», а на заводах Свердловска и Новосибирска занимались изготовлением конструкций для опор линии электропередач. В результате, в декабре 1982 г. она была сдана в эксплуатацию, а 5 ноября 1983 г. вступила в эксплуатацию электрическая подстанция «Хабаровская» на 500

кВт. Её ввод позволил почти на треть увеличить пропускную способность линии и стабильно обеспечить снабжение энергией промышленные комплексы Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и объекты Восточного участка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В режиме полной нагрузки начал действовать энергомост Зейская ГЭС – Хабаровск, протяжённостью одна тысяча километров. В 1984 г. была введена в эксплуатацию другая линия электропередач ЛЭП-220 Комсомольск – Ургал – Этыркен (протяжённостью 575 км). К концу одиннадцатой пятилетки (1985 г.) энергосистема Дальнего Востока соединилась с единой энергетической системой СССР. Это дало возможность централизовано контролировать энергетические мощности на протяжении восьми часовых поясов – от Бреста до Владивостока [10, с. 19].

И, тем не менее, в условиях нараставшего хозяйственного кризиса уровень развития топливной базы отставал от быстро увеличивающихся экономических потребностей народнохозяйственного комплекса региона, что привело к парадоксальному положению. Например, при наличии на Дальнем Востоке значительных запасов угля, большую часть которых можно было добывать открытым способом (Райчихинское, Павловское, Бикинское и др. месторождения, расположенные к тому же вблизи от железной дороги), его завозили в регион из Восточной Сибири. Темпы роста производства в отрасли были самыми низкими среди других отраслей (за исключением пищевой промышленности).

Наиболее сложное положение складывалось со снабжением нефтью и нефтепродуктами. В связи с большой отдалённостью от основных нефтяных баз страны, Дальний Восток особенно нуждался в развитии местной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Поскольку индустрия Сахалина удовлетворяла потребность восточных территорий в жидком топливе лишь на одну треть, то ежегодно в регион завозили около 3 млн. т различных нефтепродуктов из Сибири и европейских районов РСФСР. Транспортные расходы на доставку 1 тонны нефти, например, из Башкирии до Хабаровска в 1967 г. составляли 17 руб. 66 коп. В результате, ежегодная перевозка нефти и угля на Дальний Восток обходилась государственной казне в миллионы рублей [11, л. 14, 15 ; л. 15 ; л. 11, 12].

Следует отметить, что имевшиеся в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре нефтеперерабатывающие заводы занимались обработкой сахалинской нефти, поступавшей по нефтепроводу Оха – Комсомольск-на-Амуре, но они были не в состоянии полностью обеспечить весь Дальневосточный регион топливом. Для решения этой проблемы было крайне необходимо строительство новых нефтебаз и автозаправочных станций. Тем не менее, в течение ряда лет капиталовложения на их сооружение, выделяемые Хабаровскому управлению Главнефтеснаба РСФСР, уменьшались. Если в 1966 г. сумма составляла 1,5 млн. руб., то в 1967 г. – 1,1 млн. руб. В период с 1968 по 1970 гг. предусматривалось финансирование в объёме лишь 2,8 млн. руб. или, в среднем, по 900 тыс. руб. в год. Неоднократные просьбы управления и крайисполкома в Совет министров РСФСР о направлении

дополнительного финансирования и ассигнований для выполнения проектно-сметной документации на строительство объектов нефтебазового хозяйства в крае не находили поддержки «… из-за ограниченности средств, предусмотренных Главнефтеснабу РСФСР на ближайшие пять лет с 1971 по 1975 гг.». В результате, отдалённые районы Хабаровского края (Охотский, им. Полины Осипенко, Верхнебуреинский, Ульчский, Аяно-Майский, Нанайский и Еврейская автономная область) в течение длительного времени продолжали испытывать дефицит всех видов топлива.

В ряде отраслей промышленности стали проявляться такие явления, как замедление темпов роста и ухудшение других экономических показателей. Так, в объединении «Сахалинуголь» снизилась добыча угля. Если в 1979 г. было добыто 5805 тыс. т, то в 1980 г. – лишь 5220 тыс. т, то есть на 585 тыс. т меньше. Это создавало большие трудности в топливном снабжении народного хозяйства в зимний период. Центральные власти обвиняли местное партийно-хозяйственное руководство в том, что оно «… медленно перестраивало стиль и методы работы, деятельность отделов объединения была несогласованной, на шахтах и разрезах низкой оставалась инженерная подготовка производства, горная техника часто простаивала» [12, л. 126 – 128 ; л. 22].

Помимо этого, анализ документов Государственного архива Российской Федерации показывает, что в народнохозяйственном комплексе Дальнего Востока дефицит топлива и электроэнергии наметился уже к концу 1960-х гг. В период с 1971 по 1975 гг. он ещё более чётко обозначился и в последующие годы не был ликвидирован. Одним из его показателей стало несоответствие между объёмами, предусматриваемыми в правительственных директивах и планируемыми министерствами. Так, если в вышеуказанном Постановлении №638 план добычи угля составлял 36,7 млн. т, то Министерство угольной промышленности СССР уменьшило его до 35,3 млн. т за счёт снижения в Амурской области – на 1 млн. т и Сахалине – на 0,45 млн. т. Одним из последствий дефицита стал срыв программы ввода новых мощностей по угледобыче, особенно на Сахалине, где в 1966 – 1970 гг. объём составлял 2960 тыс. т в год, вместо 3340 тыс. т. С 1971 по 1975 гг. на шахтах Сахалинской области из планируемых 11 объектов отрасли началось сооружение лишь двух [13, л. 37 ; л. 7, 11].

Выработка электроэнергии в 1966 – 1970 гг. на Дальнем Востоке должна была увеличиться в 1,8 раза при среднегодовых темпах роста в 12,5%. При задании ввести мощности на дальневосточных электростанциях в размере 1945 тыс. кВт/час Министерство энергетики и электрификации СССР наметило только 1865 тыс. кВт/час, а фактически было введено 1750 тыс. кВт/час. В 1970 г. оно предусматривало выработку электроэнергии в регионе довести до 13400 млн. кВт/час вместо 18200 млн. кВт/час. Крайне медленно осуществлялось строительство Приморской ГРЭС и Магаданской ТЭЦ, а сооружение ТЭЦ в Южно-Сахалинске вообще было не запланировано, что способствовало росту дефицита электроэнергии в области. В 1971 – 1975 гг. было предусмотрено ввести в действие мощности

на электростанциях Дальнего Востока в количестве 1945 тыс. кВт/час, но фактически было введено 1034 тыс. кВт/час. К концу 1971 г. по Минэнерго СССР не выполнено задание по вводу в действие мощностей на электростанциях Дальнего Востока (в том числе ни на одной из пяти), предусмотренных Постановлением №638 в Магаданской области [14, л. 121, 23 ; л. 4 ; л. 8].

Министерство нефтедобывающей промышленности СССР на 1970 г. запланировало добычу природного газа на Сахалине в объёме 0,84 млрд. м³ вместо 3,4 млрд. м ³ по постановлению. К 1972 г. должен был начать функционировать газопровод Оха – Комсомольск, но лишь в конце 1971 г. приступили к разработке его технического проекта, сроки начала строительства были перенесены на 1974 г. Аналогичная ситуация сложилась на строительстве завода по переработке нефти в районе Находки, где срок также был перенесён с 1971 г. на 1975 г. Особенно медленно развивались нефтяная и газовая промышленности Сахалинской области (план 1969 – 1970 гг. по нефти – 3,5 млн. т, по газу –3,4 млрд. м³; факт – соответственно, 2562 тыс. т и 991 млн. м³) [15, л. 36 – 38 ; л. 10, 11 ; л. 6].

Общие причины, сдерживавшие динамику развития топливной базы Дальнего Востока РСФСР, заключались в следующем. Прежде всего, процесс ввода в действие запланированных объектов ТЭП восточных территорий крайне затруднял их недостаточное централизованное финансирование, которое приводило либо к «замораживанию», либо к увеличению сроков строительства. Нельзя не учитывать и тот факт, что ускоренная электрификация региона во многом была взаимосвязана и с другими отраслями промышленного комплекса. Например, она напрямую зависела от уровня развития стройиндустрии, способной обеспечивать мощности стройорганизаций, которые занимались сооружением энерго- и теплообъектов в регионе.

В частности, в Хабаровском крае местные власти беспокоил вопрос об организации самостоятельного треста по строительству ТЭЦ на базе строительных управлений треста «Дальэнергострой», который состоял из 13 строительно-монтажных управлений, разбросанных по всей территории Дальнего Востока, поэтому управлять им было крайне затруднительно. По этому поводу А.К. Чёрный, занимавший тогда должность председателя Хабаровского крайисполкома, отмечал в своих воспоминаниях, что деятельность треста не удовлетворяла потребности края, где было ярко выражено отставание уровня развития энергетической базы от промышленной (среднегодовой темп прироста электроэнергии – 9,3%, в то время как прирост промышленного производства – 11%). Так, в 1967 г. план строительно-монтажных работ трест выполнил на 95,4%, в 1968 г. – на 78,4%. Были сорваны работы по строительству ТЭЦ в Николаевске-на-Амуре по расширению ТЭЦ-1 в Хабаровске и Биробиджане. Трест категорически отказался от строительства теплотрасс и работ по расширению Ургальской ТЭЦ. В результате, если в 1965 г. выработка электроэнергии в крае составляла 2251 млн. кВт/час, то в 1970 г. – 3500 млн. кВт/час, то есть рост

электропотребления увеличился в 1,55 раза (план – в 1,8 раза) [16, л. 122; л. 11, 12 ; с. 168 ; с. 358].

В ноябре 1969 г. Минэнерго СССР в письме Хабаровскому крайкому КПСС и крайисполкому отмечало, что «… выделенные Госпланом СССР на 1970 г. капиталовложения для развития электросетевых объектов могут обеспечить ввод в действие только 30,8 тыс. км лини электропередач, что на 4,7 тыс. км было меньше, чем предусмотрено Постановлением №638. Поэтому на строительство электросетевых объектов для энергосистем Дальнего Востока и Сахалинской области в 1970 г. финансирование составляло 10,4 млн. руб., что соответствовало уровню плана 1969 г. Следовательно, данного объёма работ было недостаточно для организации строительно-монтажного треста» [17, л. 10]. Таким образом, краевое партийно-советское руководство получило отказ и впоследствии при решении проблем электрификации вынуждено было привлекать специализированные строительные организации из других районов страны, о чём было указано выше.

В начале 1970 гг. на Сахалине сложилось негативное положение с реконструкцией и техническим перевооружением предприятий угольной промышленности. Комбинат «Сахалинуголь» в течение 20 лет вёл реконструкцию шахт «Южно-Сахалинская» и «Горнозаводская», освоив за это время менее 50% от их сметной стоимости. В 1969 г. был сорван срок окончания строительства первой очереди Лермонтовского угольного разреза. Основная причина заключалась в том, что с ростом объёмов угледобычи увеличивались размеры проектных смет, но мощность подрядных организаций Минтяжстроя СССР, которое непосредственно руководило строительством, была недостаточной.

С 1970 по 1973 гг. в Приморском крае планировалось увеличить рост угледобычи в объёме 3,1%. Однако в 1971 г. он составлял 9,3 млн. т, в 1972 г. – 9,4 млн. т, а в 1973 г. – 9 млн. т. Его уменьшение было связано с тем, что государственные задания по вводу производственных мощностей выполнялись с большими затруднениями, так как не хватало техники, оборудования, специалистов и рабочей силы. Несмотря на то, что министерство регулярно выделяло капиталовложения на развитие топливной индустрии, «Главвладивостокстрой» их не осваивал. Так, в 1971 г. в край было направлено 4,4 млн. руб., освоено – 2,4 млн. руб. или 53%, в 1972 г., соответственно, 8,5 млн. руб. и 6,8 млн. руб. или 80%. В 1974 г. планировалось ввести в действие новый Павловский разрез №2 мощностью 4500 тыс. т угля в год, но срок был перенесён на 1975 г. [18, л. 8 ; л. 46 ; л. 57].

Магадан и его промышленные предприятия испытывали недостаток в снабжении электроэнергией, вырабатываемой местной ТЭЦ. По мнению горкома КПСС, неотложным являлось решение вопроса об ускорении строительства ЛЭП Магадан – Усть-Омчуг, но к началу 1970 г. срок окончания строительства уже был сорван. Для окончания сооружения ЛЭП местные власти имели необходимые материалы и средства. Тем не менее,

низкие темпы проектирования и ведения строительно-монтажных работ, недостаточное финансирование сдерживали развитие топливной промышленности.

Нередко по причинам недостаточного объёма финансирования, несвоевременной поставки оборудования и металлоконструкций министерства неоднократно переносили сроки сдачи в эксплуатацию предприятий ТЭП. Так, Минэнерго СССР с 1973 по 1975 гг. три раза изменял дату ввода в действие первой очереди Южно-Сахалинской ТЭЦ-1. В результате, её строительство закончилось лишь 1978 г., и тогда же началась эксплуатация.

В сложившихся условиях для выполнения государственных заданий местные власти вынуждены были иногда прибегать к уменьшению объёмов капиталовложений на коммунальное строительство и использованию этих ассигнований на другие нужды. Так, ещё в 1965 г. Совет министров РСФСР разрешил Хабаровскому крайисполкому уменьшить объём капиталовложений на коммунальное строительство в Комсомольск-на-Амуре в размере 303 тыс. руб. Часть этих средств была направлена на завершение строительства электростанции в рабочем посёлке Троицкое (25 тыс. руб.) и на сооружение газораздаточной станции жидкого газа в г. Хабаровске (180 тыс. руб.) [19, л. 90, 91 ; л. 207, 208 ; л. 10, 94 ; л. 85, 86].

Другой немаловажной особенностью развития топливно-энергетической базы являлись нехватка технического оборудования и низкий уровень индустриализации. Процессы механизации трудоёмких операций, внедрение автоматизированных систем управления и промысловой автоматики внедрялись крайне медленно, поэтому количество аварий и потеря рабочего времени не уменьшались. В то же время, имевшееся новое высокопроизводительное оборудование не всегда устанавливалось своевременно.

Для хозяйственных руководителей важной задачей являлось ускоренное выполнение капитального ремонта, но её решение затруднялось отсутствием или недостатком запасных частей к машинам и механизмам. В то же время, нередко объёмы неустановленного оборудования достигали значительных размеров. Так, на камчатских предприятиях энергетики в 1969 – 1970 гг. они составляли 2348 тыс. руб., в газовой промышленности Сахалина в 1970 –1980-х гг. – почти 3 млн. руб.

Поскольку квалифицированных кадров по-прежнему не хватало, то сложно было полностью укомплектовать бригады специалистами и организовать их работу по беспрерывному графику. Поэтому, как правило, подземный ремонт скважин в производственном объединении «Сахалиннефть» проводился силами 24 бригад, работавших в четыре (14 бригад) и три вахты (10 бригад). За год такие бригады проводили до 9977 ремонтных работ, но уровень брака оставался значительным. Так, за 1972 г. было проведено 257 повторных подземных ремонтов. Рост объёмов добычи нефти по предприятиям объединения сдерживался острым недостатком технического оборудования и низкой характеристикой его качественных

показателей. Ежегодно «Сахалиннефть» получало на 400 – 500 глубинных насосов меньше, чем указывалось в заявках, а также стали резко сокращаться фонды на запчасти к оборудованию. Затраты времени на ликвидацию аварий оставались высокими и составляли 7,9% от общего календарного времени. Только в 1972 г. на Сахалине произошло 22 аварии, на ликвидацию которых было затрачено 10,7 тыс. час. или 46,5% от общего аварийного времени, а также 10 аварий, связанных с поломкой бурового инструмента. Соответственно, на них было затрачено 6,3 тыс. час. или 27% от аварийного времени. Не всегда собственными силами удавалось ликвидировать поломки техники и оборудования, тогда газовики вынуждены были проводить дополнительное бурение скважины. В результате, только в течение 1972 г. вторыми стволами было пробурено 3067 м.

В начале 1980-х гг. высоким оставался процент рабочих, занятых ручным и тяжёлым физическим трудом. Например, в объединениях «Оханефтегаздобыча» и «Сахалинбургазразведка» этот показатель превышал 40% [20, л. 19, 23, 24 ; л. 8, 13, 14].

Резюмируя вышесказанное отметим, что определённо Дальний Восток РСФСР, располагая богатыми энергоресурсами, достаточными для формирования здесь отраслей промышленности любой степени энергоёмкости, в 1965 – 1985 гг. развивался в контексте экономической политики государства. Однако этот процесс был детерминирован рядом исторических особенностей. С одной стороны, в 1970-е гг. «ресурсная» концепция относительно перспектив развития региона со временем стала приоритетной в общегосударственной экономической стратегии СССР. С другой, несмотря на правительственные меры по обеспечению ускоренного развития восточных территорий, ликвидировать диспропорции в промышленности и добиться комплексности не удалось. В результате, большинство проблем дефицита топлива и электроэнергии так и не были решены. Значительные гидроэнергоресурсы местных горных рек не использовались (Тумнин, Копи, Ботчи и др.). Удалённые от промышленных центров многие лесопромышленные и железнодорожные населённые пункты обеспечивались электроэнергией за счёт собственных дизельных станций малой мощности. С усилением хозяйственного кризиса к середине 1980-х гг. несоразмерность между темпами развития базы стройиндустрии и промышленного комплекса, нехваткой централизованного финансирования и общим уровнем развития производительных сил региона увеличивалась.

Литература и источники:

1. Нестеренко, А. Д. Топливно-энергетический комплекс / А. Д. Нестеренко. – Владивосток : изд-во ДВГАЭУ, 2003. – 166 с. ; Килин, П. М. Межотраслевые связи и пропорции в народном хозяйстве Дальнего Востока / П. М. Килин, Т. И. Заболотникова, Т. С. Пронина и [др.] // Ретроспективный анализ экономики Дальнего Востока. Сб. статей. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1982. – С. 13 – 31.

2. Турецкий, В. С. Энергетические ресурсы Дальнего Востока / В. С. Турецкий, Л. И. Бояринова // Проблемы экономики Дальнего Востока. Сб. статей. – Вып. 1.– Владивосток, 1966. – С. 67 – 74 ; Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. – Т. 6 (доп.) 1966 – янв.-июнь 1968 гг. – М. : Политиздат, 1968. – 816 с.

3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 724. – Л. 1 ; Николаев, Н. И. Перспективы развития экономики Дальнего Востока / Н. И. Николаев, Н. М. Сингур. – Хабаровск, 1968. – 120 с.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 150. – Д. 1118. – Л. 9 ; РГАЭ. – Ф. 70. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3971. – Л. 155 ; Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 3. – Д. 1435. – Л. 160 – 161.

5. Комбинат «Дальвостуголь» был образован в 1954 г. В результате реорганизации в 1975 г. стало производственным объединением Министерства угольной промышленности СССР по добыче угля в Амурской области РСФСР [Электронный ресурс]. – Доступно из URL: http://www.mining-enc. ru/d/quotdalvostugolquot/. [Дата обращения: 13 января 2011 г.] ; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 34. – Л. 106 ; Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 34. – Л. 15.

6. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 904. – Л. 204 – 206. В августе 1928 г. на заседании Совета труда и обороны СССР было принято решение о создании треста общесоюзного значения «Сахалиннефть». В 1945 г. он был преобразован в производственное объединение «Сахалиннефть», в 1978 г. – во Всесоюзное промышленное объединение «Сахалинморнефтегазпром» // Сахалинморнефтегаз [Электронный ресурс]. – Доступно из URL: http://www.ngfr.ru/library.html?sakhalinmorneftegaz. [Дата обращения: 13 января 2011 г.] ; РГАЭ. – Ф. 70. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3971. – Л. 2, 16 ; Ф. 70. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3971. – Л. 8, 13 – 14.

7. РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 3. – Д. 1315. – Л. 2 – 3 ; Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 3. – Д. 1435. – Л. 161 – 162.

8. На 1 января 1963 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 6037 электростанций при средней установленной мощности одной станции в 330 кВт/час. На душу населения в 1964 г. в регионе производилось 1530,6 кВт/час электроэнергии против 2002,2 кВт/час, в среднем, по СССР // РГАЭ. – ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 718. – Л. 15 – 16 ; Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 717. – Л. 19 ; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р – 137. – Оп. 14. – Д. 2254. – Л. 11.

9. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 34. – Л. 109 ; Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 26. – Л. 131 ; Зейский вестник. – 2009. – 19 февраля ; РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 3. – Д. 1435. – Л. 156 ; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 424. – Л. 11 ; Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 609. – Л. 31 ; Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 620. – Л. 207 – 208. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А 259. – Оп. 48. – Д. 7719. – Л. 3.

10. Тихоокеанская газета. – 1981. – 29 декабря. – № 298 ; 1982. – 18 декабря. – № 289 ; 1985. – 5 января. – № 4 ; Дальневосточный Комсомольск.

– 1983. – 6 ноября. – № 211 ; Алимов, Ю. П. Развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока / Ю. П. Алимов. – М. : Знание, 1985. – 64 с.

11. В 1963 г. в Приморский край было завезено около 500 тыс. т угля из Канска, что привело к дополнительным затратам на перевозку в размере 8 млн. руб.; завоз каннского угля продолжался и в течение 1964 г. // РГАЭ. – Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 718. – Л. 14 – 15 ; Ф. 399. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 718. – Л. 15 ; ГАХК. – Ф. Р 353. – Оп. 10. – Д. 350. – Л. 11 – 12.

12. ГАХК. – ф. Р 137. – Оп. 14. – Д. 2093. – Л. 126 – 128 ; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 150. – Д. 1118. – Л. 22.

13. ГА РФ. – Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7046. – Л. 37 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7986. – Л. 7 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7993. – Л. 11.

14. ГА РФ. Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7987. – Л. 121 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7988. – Л. 23 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7986. – Л. 4 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7993. – Л. 8.

15. ГА РФ. – Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7046. – Л. 36 – 38 ; Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7993. – Л. 10, 11; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 935. – Л. 6.

16. ГА РФ. – Ф. А 259. – Оп. 45. – Д. 7987. – Л. 122 ; ГАХК. – Ф. Р 137. – Оп. 14. – Д. 2254. – Л. 11 – 12. Николаевская-на-Амуре ТЭЦ вступила в строй лишь 1 августа 1973 г. // Хроника. Хабаровский край. Годы. События (1938 – 2008 гг.). – Хабаровск, 2008. – 416 с. ; Чёрный, А. К. Остаюсь дальневосточником. Воспоминания / А. К. Чёрный. – Хабаровск : Изд-во «Этнос-ДВ», 1998. – 512 с.

17. ГАХК. – Ф. Р 137. – Оп. 14. – Д. 2254. – Л. 10.

18. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 106. – Д. 935. – Л. 8. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П 68. – Оп. 53. – Д. 215. – Л. 46 ; Ф. П 68 ; Оп. 53. – Д. 215. – Л. 57.

19. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 103. – Д. 611. – Л. 90 – 91. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 620. – Л. 207 – 208 ; Ф. 17. – Оп. 145. – Д. 1022. – Л. 10, 94 ; ГАХК. Ф. Р 137. – Оп. 14. – Д. 1616. – Л. 85 – 86.

20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 105. – Д. 377. – Л. 19 ; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 150. – Д. 1118. – Л. 23 – 24 ; РГАЭ. – Ф. 70. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3971. – Л. 8, 13 – 14.